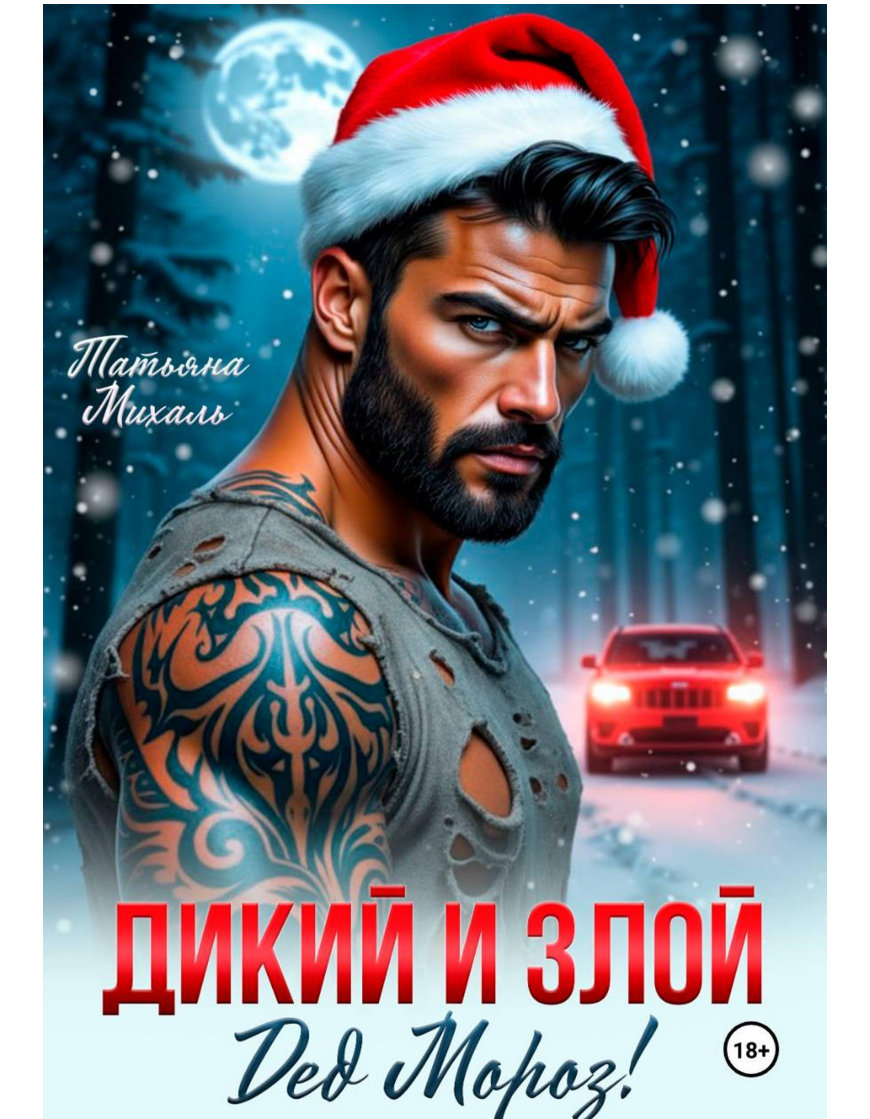

Патьяна
Михаил

ДИКИЙ И ЗЛОЙ

Дед Мороз!

18+

Татьяна Михаль

Дикий и злой Дед Мороз!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73207188

SelfPub; 2026

Аннотация

Она подобрала злого мужика с дороги. Теперь он рубит дрова и учит жизни. И это лучшая история этой зимы!

* * *

Захар хотел остаться в одиночестве со своей злостью.

Юля хотела загородной тишины.

План у обоих был сорван, когда она подобрала его на дороге – замёрзшего, злого и подозрительно красивого.

Что будет, если поселить в своём доме бывалого полярника с повадками медведя?

Он починит всё, что не работало годами и будет ворчать.

Научит рубить дрова, назвав это «лучшей терапией».

И посмотрит таким взглядом, от которого замёрзнет Северный полюс... или, наоборот, растает.

Они думали, что застряли друг с другом на пару дней. Но оказалось, что некоторые встречи предопределены.

Особенно под Новый год.

* * *

Идеально для всех, кто верит, что любовь можно найти даже в сугробе!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	28
Глава 4	38
Глава 5	48
Глава 6	59
Глава 7	70
Глава 8	80
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Татьяна Михаль

Дикий и злой Дед Мороз!

Глава 1

* * *

— ЗАХАР —

В салоне пахло кофе из термоса, кожей и пирожками с капустой.

Я смотрел в окно на мелькающие ели, застывшие в пушистых одеждах из снега.

В голове уже складывался план: добраться до города, купить какой-то нехитрой еды, войти в пустующую квартиру, выспаться, а потом встретить Новый год в гордом одиночестве.

— Ну вот, почти и дома. В самолёте устал, как собака, — размял плечи Серёга, сидевший за рулём. Его голос был довольным от предвкушения. — Жена завтра на стол курицу в духовке сделает, а сегодня борщ наварила и пампушек настряпала. А Машка, дочка моя, ёлку наряжать не дала никому, ждала папу.

— Мой-то старший наоборот, лично сам собрал и нарядил ёлку, фотки и видосы слал, — флегматично добавил с заднего сиденья Колян. — Говорит, папа, ты только скорее приезжай,

а у нас тут всё готово.

Они улыбались.

Их мысли были там, в тёплых квартирах, где пахло хвоей и борщом, где их ждали.

Меня никто не ждал.

Моя семья – это вой ветра в антеннах на полярной станции, скрип снега и льда под сапогами.

Самая честная компания из всех, что я знал.

– А ты, Захар, куда в новогоднюю ночь-то планируешь по-даться? – по-свойски подмигнул Иван, у которого недавно сын родился. – Девчонки, наверное, уже в очередь выстроились к такому брутальному мужику? Колись, давай, много девочек будет?

В его тоне не было зла.

Было снисхождение холёного семейного волка к одинокому медведю.

Мне всегда проще было сказать, что меня ждут «девчонки», чем признаться, что лучшая компания для меня – это тишина и чашка крепкого кофе.

– Да, планы у меня грандиозные, – буркнул я, снова отворачиваясь к окну.

Разговор плавно перетёк на работу.

И тут что-то в воздухе натянулось, как струна.

– Да, кстати, насчёт грандиозных планов, – начал Колян, и я краем глаза увидел, как он переглянулся с Серёгой и Иваном. – Тут, Захар, пока ты на станции геройствовал, у нас тут

свои ледовые баталии были. Грядут... кое-какие оптимизации. Сразу после новогодних каникул.

Я медленно повернул голову.

«Оптимизации».

Это слово имело запашок чего-то кислого и подлого.

– В чём суть? – спросил коротко.

– Сокращение грядёт, – выдохнул Иван, вдруг с интересом вглядываясь в дорогу. – Один человек из нашего отдела должен уйти.

Тишина в салоне стала густой и липкой.

Меня не сокращали никогда.

Я был лучшим.

Я был тем, кого отправляли на самые сложные участки.

– И кому дали под зад? – спросил я, хотя гадливый холодок в животе уже подсказывал ответ.

Колян кашлянул.

– Захар, послушай... Мы все собрались, обсудили. У всех семьи, дети, ипотека... Ты один как перст. Тебе легче будет. Ты сильный. Ты везде устроишься. А нам... Ну, ты понимаешь всё, да?

Сначала я не понял.

Буквы складывались в слова, а слова в предложения, но смысл не долетал.

А потом он долетел.

И ударил с такой силой, что перехватило дыхание.

Они все до одного сидели на совещании.

И единогласно решили слить меня.

Выбросить за борт, как балласт.

Потому что я «сильный».

Потому что у меня нет жены, которая печёт пампушки, варит борщ и делает курицу в духовке, и дочери нет, которая ждёт папу.

Потому что моя жизнь, моя преданность этому проклятому делу – это ничего не стоящая бумажка в сравнении с их ипотеками и детскими садами.

Предательство.

Банальное, низменное, как удар ниже пояса.

И самое поганое, что оно пришло от людей, с которыми я делил паёк в бураны, с которыми я просидел три года в ледяной глуши.

Которых считал... друзьями.

Слово показалось таким наивным, что меня чуть не вырвало.

В голове пронеслись обрывки.

Моя невеста Лиза, ушедшая к тому усатому идиоту с яхтой, потому что я «слишком холодный и далёкий», а он тут такой внимательный и всегда рядом.

А теперь вот и они предали, мои друзья.

– То есть, – мой голос прозвучал тихо и хрипло, – вы это всё у меня за спиной провернули? Со мной поговорить нельзя было? По-мужски? Глаза в глаза?

Серёга сглотнул, нервно постукивая пальцами по рулю.

– Мы знали, что ты не поймёшь...

– НЕ ПОЙМУ?! – рявкнул Я так, что машина задрожала.

Горячая волна ярости подкатила к горлу, сжимая его.

– Я понял только одно! Что вы, твари подлые, решили спасти свои шкуры за счёт моей! Что я, по-вашему, железный? Мне не нужны ваши жалкие отмазки про семьи! Вы просто сволочи! Идиоты и кретины!

– Захар, успокойся, – поднял руку Иван и сжал моё плечо.

– Останови машину, – прошипел я, глядя на Серёгу в упор.

В глазах у него читался животный страх.

Хорошо.

Пусть боится.

– Захар, да мы же просто...

– ОСТАНОВИ. МАШИНУ. – Мои слова повисли в воздухе, заострённые и холодные, как ледяные сосульки. – А дальше можете ехать. В свои уютные норки. И подавитесь там своими борщами и курицей!

Машина резко притормозила, съехав на обочину.

Я с силой распахнул дверь, и ледяной ветер ворвался в салон.

– Захар, ты чё, дурак, на улице-то минус тридцать! Пухан хоть надень!

Я уже выскочил на снег, прихватил с собой сумку.

Пар изо рта шёл клубами, как у дракона.

Я обернулся, последний раз окинув их взглядом, полным

презрения и лютейшей, ледяющей душу злости.

– Засуньте его себе... в одно тёмное и глубокое место. В чёрную дыру, например. Там вам самое место.

Я с такой силой захлопнул дверь, что стекло задрожало.

Внедорожник дёрнулся с места, как ужаленный, и быстро скрылся в снежной мгле, оставив меня одного.

Мороз мгновенно принялся кусать оголённые плечи и руки через тонкую, рваную майку.

Но эта физическая боль была ничто по сравнению с тем холодом, что разливался внутри.

Он был знакомым старым товарищем.

Я снова был один.

Как и всегда.

Преданный женщиной, преданный друзьями.

Человечество в очередной раз доказало свою подлую, мелкую сущность.

«Отлично, – с горькой иронией подумал я, растирая ладони. – С наступающим Новым годом, Морозов. С новым одиночеством тебя».

* * *

– ЮЛИЯ —

Если есть где-то новый круг ада, то он, без сомнения, выглядит как новогодняя пробка на выезде из города тридцатого декабря.

Не просто пробка, а гигантская, неподвижная, многочасовая, где каждый заперт в своей личной железной коробке

вместе с ароматом старого салонного фильтра и призраками всех несделанных дел.

Мой персональный кошмар по имени «Проваленный Проект» как последний гад появился на экране телефона в виде сообщения от руководства.

«Уважаемая Юлия, мы ценим вашу работу, но ваша концепция проиграла искусственному интеллекту. Клиент всё-таки выбрал проект от ИИ. Надеемся на понимание. Вам будет выплачена приятная компенсация за потраченное время».

– Да идите вы все... в лес... вместе с вашим чёртовым ИИ! – прошипела я. – Отобрал у меня дизайн проект, сволочь...

У меня сейчас в жизни всего не хватает – терпения, денег, веры в человечество, а они хотят моего понимания?

Приятная компенсация?

Это три копейки?

Злость внутри меня закипала как вода в чайнике.

Так, надо отвлечься.

Я посмотрела на бесконечную вереницу фар передо мной.

У их владельцев, я уверена, с пониманием тоже было негусто.

Телефон зазвонил.

Это была Света.

Подруга, чья жизнь напоминает глянцевый журнал, который я бы с удовольствием порвала и пустила на растопку ка-

мина.

– Юль, привет! Ну что, ты готова к празднику? А мы тут с Серёжей летим на Бали! Ва-а-ай! Представляешь, мы будем встречать Новый год в океане! Я просто пишу от радости!

– Представляю, – буркнула я, глядя, как на соседней полосе водитель «аудиухи» с аппетитом уплетает пирожок. – А я вот тащусь в пробке. Похоже на очень символическое завершение года.

– Не ной, Юль! Ты же в свой домик едешь? Это так романтично! Настоящая зимняя сказка!

«Сказка» – это когда тебе тридцать пять, ты свежееиспечённая разведёнка с карьерой дизайнера, которая дала трещину, и ты едешь одна в дом, который видела в последний раз лет десять или двадцать назад, когда родители были ещё живы.

Но Свете этого не объяснишь.

Я не стала слушать её восторженные вопли о Бали, просто отключилась и положила телефон на соседнее сиденье.

Но он тут же вибрировал снова.

Но не звонок был, пришла смс-ка.

От Артёма, моего бывшего мужа.

Открыла и скривилась.

«Юлька, с наступающим тебя! Желаю тебе самого светлого и счастливого Нового года. Надеюсь, ты найдёшь то, что хочешь».

А что я хочу?

В данный момент я хочу метлу, которая смела бы прочь все эти машины с моего пути!

Пожелание от бывшего было похоже на рекомендацию «быть счастливой» от человека, который недавно наступил тебе на ногу каблуком.

Самый светлый Новый год, м-да.

У меня в багажнике лежал букет пихтовых веток (вместо Новогодней ёлки будет), купленный у расторопного гастарбайтера.

Давление нарастало.

Гул моторов, клаксоны, чужая музыка – всё это слилось в один оглушительный гул, бивший по вискам.

Я закрыла глаза и сделала глубокий вдох.

Не помогло.

Пахло тревогой и бензином.

И тут мой взгляд упал на навигатор.

Синяя нитка трассы, и рядом тонкая серая паутинка просёлочных дорог.

Одна из них вела напрямик к дому.

Через поля, леса и, возможно, через тридевятое царство.

Но у меня машина внедорожник, на минуточку вообще-то.

«Не делай этого, – зашептал голос разума. – Машина хоть и внедорожник, но дороги не чищены, даже такой зверь не пройдёт. И ты заблудишься, застрянешь, тебя съедят волки или ты замёрзнешь насмерть».

«А что, волки – это не так уж и плохо, – парировал другой, более отчаянный внутренний голос. – По крайней мере, они не пишут смс-ок с пожеланиями счастья и не летят на Бали встречать Новый год».

Я посмотрела на часы.

Простоять тут ещё три часа?

Или... рискнуть?

Решение созрело внезапно.

Сердце ёкнуло, но на смену панике пришла уверенность и решимость.

– Ладно, – сказала я вслух, резко выворачивая руль в сторону съезда, который больше походил на грунтовку во льду. – Поехали навстречу приключениям. Или волкам. Что будет раньше.

Машина, с облегчением съехала с трассы, мягко закачалась на ухабах.

В салоне воцарилась тишина.

Никаких гудков.

Никаких писем от руководства.

Никаких подруг, улетающих на Бали.

Я ехала в дом своего детства.

Тот самый, куда мы с Артёмом так и не собрались.

«Далековато, Юль», – говорил он. – «Нецивилизованно в такую даль уезжать».

А теперь для меня этот дом был важнее всего на свете.

За домом, я знала, присматривал кто-то из соседней де-

ревни, дядя Коля кажется.

Привет, моя новая жизнь.

Глава 2

* * *

— ЮЛИЯ —

Если бы мне ещё месяц назад сказали, что я буду в одиночку бороздить на своей машине сугробы в какой-то богом забытой тайге, я бы покрутила пальцем у виска.

Но, как выяснилось, мой рассудок решил отгулять новогодние каникулы без моего ведома.

Два часа.

Целых два часа я ехала по этим проклятым лесным дорогам, которые на карте выглядели такими дружелюбными и прямыми!

А на деле оказались извилистыми, как мысли моего бывшего мужа, и такими же бесперспективными.

«Срежешь и быстрее доедешь!» — вот что я себе думала, сворачивая с трассы.

Теперь бы я это свою «гениальную» мысль отправила бы гулять далеко и долго.

Итог: я основательно и бесповоротно заблудилась.

Навигатор, мой лучший друг, полчаса назад застыл на одной и той же картинке с надписью «Потерян сигнал».

Потерян сигнал?

Да у меня тут потеряна вся жизнь!

Я стучала по нему, тыкала кнопки, перезагружала, даже

уговаривала – всё бесполезно.

Он тихо и мирно сдох, оставив меня наедине с соснами-убийцами и чувством глубочайшей собственной неполноценности.

Телефон, предатель, разрядился до нуля.

А зарядку я, конечно же, не нашла.

Хотя клянусь, складывая вещи, я её держала в руках!

Видимо, вместе с рассудком, я оставила её в прошлой жизни.

Дорога, если это можно было так назвать, кончилась со-
всем.

Впереди была лишь непролазная целина сугробов.

Я сгребла всю свою волю в кулак и начала с дикими усилиями разворачиваться.

Снег скрипел под колёсами так злобно, будто предупреждал: «Не сюда, дура!»

Я поехала назад.

Или вперёд?

Или вбок?

Ориентиром мне служили только собственные колеи, которые уже начинало замечать.

Солнце давно скрылось, и лес погрузился в густую, почти осязаемую тьму.

Ни машин, ни огней вдалеке.

Только я, моя машина и хор волков в моём воображении.

Я уже мысленно прощалась с цивилизацией и готовилась

жечь шины для тепла, как вдруг... я увидела мужскую фигуру.

В свете фар, в клубах пара от собственного дыхания, стоял мужчина.

Высокий, огромный и плечистый.

Одетый в... нет, это надо было видеть.

Плотные, явно утеплённые штаны.

Солидные, по колено, сапоги, которые кричали «Вперёд на Арктику!», и... серая, в дырках, майка.

В минус тридцать!

Волосы у него чернее ночи, и всё это великолепие было увенчано шапкой из снега и инея.

Лицо скрывала недельная щетина, а взгляд...

Я не видела его взгляда, но спиной почувствовала, он был готов переломить медведя голыми руками.

И знаете, что он сделал, увидев мою машину?

Не побежал к ней, не стал голосить о помощи.

Нет!

Он просто обернулся, вежливо отошёл в сторону, пропуская меня, и продолжил своё промозглое стояние.

Мол, проезжайте, гражданка, я не помешаю.

Сердце у меня ушло в пятки, откуда попыталось сбежать через подошву сапога.

Но оставить этого... этого идиота замерзать тут насмерть?

Да я потом спать не смогу.

Даже его кулаки, смахивающие на кувалды, не вызвали у

меня страха.

Скорее мысль: «Если он захочет меня ограбить, ему проще будет просто встряхнуть машину, и всё ценное выпадет из багажника – моя записка».

Я резко, почти на рефлекс, ударила по тормозам.

Машину чуть занесло, и я остановилась аккурат напротив него.

Секунда на сбор духа и я приоткрыла окно.

Ледяной воздух ворвался в салон, заставляя меня вздрогнуть.

– Э-э-э... – блестяще начала я, словно мои языковые способности тоже остались на трассе вместе с рассудком. – Вам... помощь нужна?

Он медленно повернул ко мне голову.

Глаза, тёмные и колючие, как осколки арктического льда, уставились на меня с таким нескрываемым раздражением, будто я только что помешала ему медитировать.

– Нет, – коротко бросил он, и его голос прозвучал низко и хрипло, как скрип снега под сапогом. – Проезжайте.

Проезжайте.

Стоит, значит, в одной майке в ледяном аду, а ещё строит из себя крутого парня.

– Вы вообще в курсе, что на улице мороз? – не сдавалась я, чувствуя, как начинает во мне закипать злость. – Вы сейчас в ледяную статую превратитесь!

Он фыркнул, и из его ноздрей вышел густой пар.

– Это не ваше дело. Езжайте своей дорогой.

Вот ведь упрямый осёл!

В голове пронеслись все криминальные хроники.

Но передо мной был не маньяк.

Передо мной был мужчина «потенциальная ледышка».

– Ладно, – сказала я, делая последнее усилие над собой. –

Предлагаю вот что... Вы залезаете в машину, отогреваетесь, и говорите мне, куда ехать. Потому что я заблудилась. И вас спасу и себя. Иначе мне потом всю жизнь будет совестно, что я человека в майке в стужу бросила.

Он уставился на меня с таким немым изумлением, будто я предложила ему прямо сейчас взять и станцевать ламбаду.

Помолчал.

Показалось, он даже съёжился от порыва ветра.

Наконец, он нехотя буркнул:

– Только потому, что вы заблудились.

Когда он открыл дверь пассажирского сиденья, и в салон ворвалась стужа вместе с его двухметровой глыбой, я поняла одну простую вещь: моё новогоднее одиночество только что закончилось.

Мужчина бросил свою сумку на заднее сиденье.

Потом потёр покрасневшие руки и плечи, что были в та-туировках.

Он занял собой всё пассажирское сиденье и половину моего личного пространства, и сурово смотрел в лобовое стекло, словно был моим личным недовольным маршрутом.

Тишина стала громкой и неловкой.

Надо было её разрядить.

В голове пронеслось: «Бедный, наверное, жена выгнала после ссоры».

Логично же?

– Вас жена выгнала? Поругались? – выпалила я, весело улыбаясь, как идиотка.

Он медленно повернул ко мне голову.

Его взгляд мог бы заморозить кипящий чайник.

– Нет у меня жены, – прорычал он так, будто это была не констатация факта, а обвинение в мой адрес.

Мозг, отчаянно ищущий оправдание такому фриковому поведению, выдал следующую гениальную версию.

– Сбежали что ли из... тюрьмы? – пискнула я уже гораздо менее уверенно.

Он вздёрнул смоляную бровь.

Выражение его лица говорило, что он явно усомнился в моём умственном развитии.

– Вы хоть в курсе, – произнёс он с ледяным спокойствием, – как одеты заключённые зимой?

Я растерянно мотнула головой.

Ну, в оранжевых комбинезонах, наверное?

Или в жёлтых?

Нет, это не у нас...

У нас в фуфайках, да?

Честно говоря, я никогда над этим не задумывалась.

– Понятия не имею, – честно призналась я.

– Тогда, какого чёрта вы меня подобрали, – его голос внезапно стал опасным, словно скрип льдины перед тем, как она обрушится, – если теперь трясётесь и предполагаете, что я беглый маньяк?

От его тона по спине пробежали мурашки, но обида пересилила страх.

– Ничего я не трясусь! – возмутилась я, хотя мои руки чуть задрожали. – И я не говорила, что вы маньяк! Я просто... ненавязчиво пытаюсь узнать, что у вас случилось? Вам, может, срочно помощь медиков нужна! А она точно вам нужна, воспаление лёгких – это не шутка и...

– Мне вообще ничего не нужно, – резко перебил он. – У меня всё прекрасно.

Всё прекрасно.

Сидит, зубы не стучат только благодаря силе воли, а у него «всё прекрасно».

Мужики...

Они все с одной планеты Упрямства.

– А в сумке все ваши вещи? – не унималась я, чувствуя, как превращаюсь в назойливого следователя. – Деньги, телефон, документы есть?

Он тяжело вздохнул, будто я заставляла его признаться в государственной измене.

– Вещи, деньги, документы – да. А вот телефон... Телефон оставил...

– И куда же вы шли? – продолжала я свой допрос с пристрастием.

– В город. Домой.

Озарение осенило меня, как удар об ледышку по голове.

– То есть, вы знаете, куда идти? – в моём голосе зазвучала надежда. – А то я, если честно, заблудилась.

Он презрительно хмыкнул.

– Я ушёл с трассы, потому что люди надоели. И чтобы не сбили случайно.

– Оу... – надежда рухнула и разбилась вдребезги. – Значит, вы тоже заблудились...

Великолепно. Просто великолепно!

В глухом лесу, в метель, со сдохшим навигатором и телефоном, я подобрала такого же заблудшего, только угрюмого и необщительного типа.

И в этот самый момент, как в фильме, на экране навигатора вдруг появилась долгожданная карта!

Я радостно пискнула и чуть не расцеловала стекляшку.

– Ура! Обрадую вас, я снова знаю, куда ехать! – провопила я, тыча пальцем в экран. – Тут, оказывается, недалеко до моего дома. Придётся вам со мной ехать, потому что до города – это сильно далеко, бензина может не хватить...

Он молча посмотрел на меня, и в его глазах читалось столько желания свалить отсюда обратно в мороз, что я, снова по-идиотски хихикнула.

– Кстати, я – Юлия Соколова, – представилась я, пытаюсь

вернуть беседе хоть какие-то социальные рамки.

Он помолчал ещё пару секунд, будто оценивая моё имя.

Потом буркнул:

– Захар. Морозов.

Захар Морозов.

Конечно.

А меня зовут Снегурочка.

Ирония судьбы просто и я фыркнула.

– Ну что ж, Захар Морозов, приятно познакомиться, – сказала я, включая передачу. – Надеюсь, вы не против, что наша сказка начинается с того, что Дед Мороз заблудился в лесу и чуть не превратился в ледышку?

Он ничего не ответил.

Просто отвернулся к окну и угрюмо смотрел на сугробы и заснеженные сосны.

Но мне показалось, что уголок его губ дёрнулся.

Всего на миллиметр.

* * *

Ну конечно. Я так и знала, что моя предновогодняя поездка не может закончиться ничем иным, кроме как эпичным фиаско.

Я старалась объехать здоровенную ветку, оказавшуюся на моём пути, колесо на что-то неприятное скользнуло, я в панике дёрнула руль – и вот мы уже сидим, зарывшись передним бампером в сугроб, как бульдог, уткнувшись мордой в подушку, не желающий идти на прогулку.

Я взвыла.

Не метафорически, а по-настоящему, от души.

– А-а-а-а! Да что же это такое! – и в ярости ударила ладонями по рулю. – Тупые, тупые шины! И эти внедорожники, которые ни черта не внедорожники, а просто высокие коробки на колёсиках!

Я включила заднюю передачу и вжала газ в пол.

Двигатель взревел жалобно, колёса весело и беспомощно проворачивались в снежной каше, разбрасывая белые фонтаны снега.

Мы не сдвинулись ни на миллиметр.

Я чувствовала себя белкой в колесе.

– Юля.

Мой спутник произнёс моё имя так, как врач произносит «вы смертельно больны».

Спокойно и с лёгкой долей профессиональной усталости.

– Что? – рявкнула я, обернувшись на него.

– Вы так машину угробите, – заявил Захар.

Его тон не оставлял сомнений: он видел больше машинных смертей, чем я за всю жизнь.

– Надо раскачать, чуть вперёд-назад. И газ дозировать.

Я уставилась на него, как баран на новые ворота.

Чуть вперёд-назад и дозировать?

Это не про меня.

– Может, вы сядете за руль тогда? – предложила я, сдаваясь.

Мои нервы были растянуты намного тоньше, чем леска на новогодней гирлянде.

Он вздохнул.

Это был не просто вздох.

Это была целая поэма о том, как тяжело быть единственным адекватным человеком в радиусе ста километров.

Но он согласно кивнул.

Мы вышли из машины и поменялись местами.

Это было похоже на то, как в маленькую игрушечную машинку пытается влезть медведь.

Он отодвинул сиденье до упора, поднял руль, и его длинные ноги наконец-то распрямились.

Казалось, машина вздохнула с облегчением, что ею начнёт управлять кто-то, кто знает, что делает.

Захар не стал рвать его с места.

Включил передачу, плавно тронулся вперёд, потом так же плавно – назад.

Машина послушно, почти по-кошачьи, закачалась.

Вперёд-назад.

С каждым движением амплитуда увеличивалась.

Ни визга, ни паники, только концентрация на его лице.

И через три таких раскачки он коротко и уверенно дал газу – и мы, как пробка из бутылки, выскочили из сугроба на утоптанную моей машиной часть дороги.

Я сидела с открытым ртом.

Это была магия. Мужская магия.

Захар повернул ко мне голову.

Его ледяные глаза изучали меня.

– Поведу я или вы вернётесь за руль?

Я посмотрела на его руки, лежащие на руле.

Большие, сильные, с содранными костяшками.

Они выглядели так, будто могли управлять не только машиной, но и погодой.

А я чувствовала себя выжатой. Устала просто пипец.

– Может, вы поедете? – сдалась я, показывая на навигатор. – Вот точка, куда нам надо. А я, если честно, уже вымоталась.

Он молча кивнул и мы поехали.

И это была не та поездка, когда тебя швыряет из стороны в сторону, а ты молишься всем богам, чтобы не влететь в дерево.

Это было плавное, почти гипнотическое скольжение.

Машина будто сама поняла, что теперь за рулём нормальный водитель, и вела себя соответственно.

В салоне повисла напряжённая тишина, прерываемая только ровным гулом мотора, играла едва слышно музыка.

Но громче делать не хотелось.

Я смотрела в окно на пролетающие мимо тёмные стволы сосен и чувствовала, как адреналин потихоньку уходит, оставляя после себя пустоту и усталость.

И тут Захар нарушил молчание своим низким, хрипловатым голосом.

– Ваш муж или друг не будет против, что я... с вами приехал?

Я нервно рассмеялась.

Звук получился какой-то деревянный.

– Мой бывший муж, – подчеркнула я, – пожелал мне сегодня самого светлого и счастливого Нового года. Что, по-моему, является высшей формой издевательства. Особенно учитывая, что он уже год как живёт с молодой девкой. А дом... – я вздохнула, – это дом моих родителей. В котором я не была лет... э-э-э... десять. Или двадцать.

Я рискнула посмотреть на него.

Он не выразил ни удивления, ни жалости.

Просто смотрел на дорогу, и в его профиле читалась всё та же каменная твёрдость.

– Так что нет, Захар Морозов, – заключила я. – Никто не будет против. Если только вы сами не решите сбежать обратно в сугробы при виде того, в какой ледяной избе я вас собираюсь поселить.

На этот раз мне не показалось.

Уголок его рта дёрнулся.

Совсем чуть-чуть.

– Посмотрим, – только и сказал он.

И почему-то от этих его двух слов мне стало... спокойнее.

Глава 3

* * *

– ЗАХАР —

Тишина в машине была недолгой.

Я чувствовал её, эту девушку, Юлю.

Она была как источник беспокойного энергетического поля.

Она вертелась на месте, вздыхала.

Мозг, отвыкший от человеческого общества дольше, чем от удобств, воспринимал это как назойливый фоновый шум.

Мне хотелось одного: чтобы этот путь поскорее закончился, чтобы она высадила меня у какого-нибудь приземистого барака в её деревне, и чтобы наши пути разошлись навсегда.

Но её язык, казалось, был без костей.

– А вы чем занимаетесь по жизни? – выпалила она, и в её голосе звенела притворная, светская заинтересованность, за которой всегда кроется обычное любопытство.

Я уже открыл рот, чтобы бросить своё коронное «не твоё дело», но она тут же перехватила инициативу.

– Ой, дайте я угадаю! – она прищурилась, изучая меня боковым зрением, как неопознанный биологический образец. – Вы-ы-ы... лесоруб! Рубили лес, но потом что-то пошло не так... Спил бракованный попался, начальство наехало, вы в сердцах всё бросили и пошли бродить по лесу в знак протеста.

ста! На вас напали, побили...

Я покосился на неё.

Лесоруб.

Да, я валил деревья.

Чтобы построить убежище от пурги.

Но рассказывать ей об этом не было ни малейшего желания.

Я промолчал, уставившись в темноту за окном.

– Кхм. Не угадала? – не унималась она. – Тогда вы... спасатель! Да! Вы похожи на спасателя, Захар. На того, который в горах людей ищет. Сильный, молчаливый, суровый...

Опять мимо.

Я спасал людей ровно один раз, вытащил дурака-коллегу, который решил в шторм проверить прочность льда.

Чуть сам не остался там навечно.

Мысль о том, чтобы делать это профессией, вызывала у меня лишь сухую, едкую усмешку внутри.

Я снова ей не ответил.

– Ну что же вы не поддерживаете диалог? – в её голосе зазвучала лёгкая обида. – Может, подсказку какую-нибудь дадите? Хотя бы первую букву профессии!

Я сжал зубы.

Какая разница?

Скоро мы расстанемся, и кем я был или есть, её интересоваться перестанет.

Все эти светские игры в «знакомство» – просто пыль.

Пустая трата времени и энергии.

И тут её осенило.

Я увидел, как у неё загорелись глаза от собственной гениальности.

– Тогда вы будете... Дед Мороз! – объявила она торжественно, будто вскрыла величайшую тайну мироздания. – Вы отлично соответствуете этому образу! Фамилия Морозов, в лесу я вас нашла. И выглядите... ну, знаете, колоритно. Вы ехали на своих волшебных саних в тройке лошадей, везли подарки, но на вас напали разбойники, ограбили, лишили волшебной силы, побили и оставили в лесу... Так всё и было?

Я не смог сдержать короткий, хриплый выдох, что-то среднее между смешком и стоном.

Дед Мороз.

Волшебные сани.

Великолепно.

Мой мир состоял из точных приборов, расчётов выживания, предательства и льда, а её из сказок и абсурдных фантазий.

Пропасть между нами была шире, чем трещина в шельфовом леднике.

Я промолчал и на это.

Пусть думает, что хочет.

Лишь бы заткнулась.

Она насупилась, наконец поняв, что диалога не получает-

ся.

Но её потребность изливать слова оказалась сильнее.

— Ладно, — сдалась она с театральным вздохом. — Тогда я расскажу о себе. Я вот дизайнер интерьеров. И очень хороший. Мне... ну, про возраст не будем. Живу я одна. Совсем. Кота нет, собаки тоже, хотя животных очень люблю. Дом вот есть загородный, от родителей остался... Родителей, к сожалению, уже нет. Трагедия забрала их у меня...

В её голосе на секунду дрогнуло что-то настоящее, острое.

Но уже через мгновение она снова затараторила, словно боялась, что эта пауза её выдаст.

— Новый год думала справлять одна. С пледом, горячим чаем, салатом «Оливье»... Ах да, ещё я пихтовые ветки беру и немного новогодних игрушек, чтобы сделать хоть какое-то подобие новогоднего настроения... Ну, вы же понимаете... праздник, новое счастье, новое начало... Ещё и бывший муж, паршивец, пожелал мне счастливого нового года...

Вот.

Добралась.

Бывший муж.

Внутри всё сжалось в знакомый, тугой и болезненный комок.

Наверное, она бегала налево от своего мужа к какому-нибудь ушлому красавчику, разбила мужу сердце, а он не простил, и решил оставить ей шанс с другим, раз там ей лучше.

А теперь играет в жертву обстоятельств?

Классика.

Все женщины одинаковы.

Лиза с её «ты слишком далеко всегда»... как раз такая.

А теперь вот эта... болтушка с несчастными глазами и готовностью подобрать в лесу первого попавшегося мужика.

Недалёкая. Легкомысленная. Типичная разведёнка, обиженная на весь белый свет.

Она продолжала нести что-то про цветовые палитры и токсичного клиента, но я уже не слушал.

Её слова сливались в один назойливый, фоновый гул.

Раздражение кипело во мне тихо и жаростно.

Эти «свободные уши», которые она так рада была найти... они были набиты ватой из собственного горького опыта.

Каждая её улыбка, каждый наигранно-лёгкий смешок казались мне фальшивой мишурой на гнилой ёлке.

Я смотрел на дорогу, уходящую в темноту, и думал только об одном: как скоро я смогу выйти из этой машины, от этих слов, от этого навязчивого, дурацкого тепла, которое она пыталась изображать.

Мир снаружи был холодным, честным и безмолвным.

И я тосковал по нему с каждой секундой, проведённой в этой движущейся клетке с болтливой женщиной.

* * *

— ЮЛИЯ —

Я уставилась на огоньки вдалеке.

Это вся деревня?

Скорее похоже на три небольших дома, которые решили сбиться в кучку, чтобы не так страшно было.

И всё.

Тёмный лес, заснеженное поле и наш поворот к дому.

Одним словом – тайга.

А я-то представляла себе уютную деревенскую идиллию с деревней поблизости, и соседи продадут мне утреннего молока.

В детстве как-то было всё именно так.

Машина остановилась у ворот.

Мы приехали.

Я обернулась к своему суровому спутнику.

– Захар, сидите пока в машине. У меня в багажнике в сумке плед есть, сейчас дам вам. А потом я ворота открою.

Грюм Грюмыч, как я его мысленно окрестила, даже бровью не повёл.

Но, по крайней мере, не выскочил на мороз.

Уже прогресс.

Я выбралась наружу, и холод вцепился в меня, как злой дух.

Открыла багажник, залезла в сумку.

Плед мой любимый, тёплый, клетчатый был внутри, в него я планировала кутаться в Новый год, сидя у камина.

И он был ледяным.

Великолепно. Но выбора не было.

Взяла ещё и фонарик.

Какое счастье, что я его взяла!

Открыла дверь пассажира и бросила этот холодный комок ткани на сиденье.

– Вот, это вам, когда выходить будете. Я сейчас ворота открою, заезжайте потом, хорошо? Вы всё поняли?

И тут он наконец-то заговорил.

Его голос прозвучал низко и безразлично, как скрип снега под сапогом.

– Юля.

– Да?

– Слишком много слов.

Пф. Какой неженка.

Я с обидой захлопнула дверь и побрела к калитке.

Ключи от неё, старые, ржавые, я достала из кармана.

Замок не хотел поворачиваться с первого раза.

Я подёргала, потянула и калитка с жалобным скрипом поддалась.

Кое-как протиснулась на территорию.

Снега было тьма.

Ура! Победа!

А вот и нет.

Меня ждали ворота, старые, распашные, тяжёлые, просевшие.

Я сдвинула щеколду и толкнула ворота от себя.

Но ничего не произошло. Абсолютно.

Ворота даже не дрогнули.

Я налегла всем весом, уперлась ногой в землю, точнее, в сугроб.

Снова ничего.

Только моё тяжёлое дыхание нарушало ночную тишину.

И тут до меня дошло.

Снега намело сюда столько, что он стал вторым замком.

Чтобы открыть ворота, нужно было сначала откопать их.

Лопатой, а лопата, если и была, то в гараже, до которого, сквозь сугробы, ещё нужно было как-то добраться.

И вообще, я даже не знаю, где она там.

– Ну что за чёрте что! – выдохнула я, и моё проклятие повисло в воздухе маленьким белым облачком.

Я посмотрела на дом.

В темноте он выглядел уже не милым домиком из детства, а угрюмым, тёмным силуэтом с чёрными глазницами окон.

Он не светился тёплым светом, не дымил трубой.

Он молчал. И в этой тишине мне вдруг почудилось... движение за стеклом.

Или это тень? Или...

Паника, острая и иррациональная, кольнула под рёбра.

Я резко прошла к калитке и посмотрела на машину.

Захар.

И в этот момент он показался единственной точкой опоры в моей суровой реальности.

Как же я заблудилась в облаках!

Я воображала, как приеду, легко открою ворота, а дом

встретит меня теплом, запахом пирогов (откуда?!) и готовым камином.

Ну что за дура?

Реальность же была по голове ледяной кувалдой.

Я не сняла подготовленный коттедж.

Я приехала в законсервированное на десятилетие царство холода.

Есть же ещё камин...

О, боги. А ДРОВА?

Есть ли они вообще?

Или мне придётся жечь на растопку свой любимый плед и паспорт?

Паника окончательно закралась под кожу, холодная и липкая.

Я поспешно зашлёпала обратно к машине и рванула дверцу.

– Не выходит! – выпалила я, запыхавшись. – Ворота занесло снегом по самую ручку! Их не открыть! Надо... надо лопату в гараже искать, но я не знаю где... И дом... – я шумно выдохнула, – он... он совершенно тёмный. И зайти одной туда... – я сглотнула, не решаясь озвучить свой детский страх. – Может, вы... то есть мы... вместе пойдём? Вдруг там... ну, вы знаете...

Я смотрела на него, чувствуя себя полной идиоткой.

Взрослая женщина, которая боится зайти в собственный дом.

Но в его присутствии этот страх казался менее постыдным.

Он был тем, кто вытащил машину из сугроба.

Может, он знал, как вытащить меня из этой ситуации?

Или хотя бы просто своим молчаливым, угрожающим видом отпугнёт все мои потенциальные страхи?

Он медленно повернул ко мне голову.

Его лицо в полумраке салона было похоже на гранитную глыбу.

Он вздохнул, взял холодный плед, накинул его на плечи, как мантию изгнанного короля, заглушать машину не стал, забрал у меня фонарик, и открыл дверь.

– Идёмте, Юля.

Глава 4

* * *

– ЮЛИЯ —

Странное ощущение идти по собственному участку, чувствуя себя непрошеным гостем.

Захар шёл впереди.

Я плелась следом, по его чётким, широким следам в снегу.

Он двигался уверенно, будто знал каждую кочку на этом клочке земли, который я сама уже и не помнила.

Свет от фонарика выхватывал из темноты знакомые и одновременно чужие очертания.

Как будто это он тут хозяин, а я его нервная и совершенно бесполезная тень.

У ворот он остановился, посветил на сугроб, который слился с ним в одну монолитную ледяную глыбу.

Потом развернулся и подошёл ко мне так близко, что я инстинктивно отступила на шаг.

– Открыть ворота могу, – заявил он своим низким, лишённым эмоций голосом. – Но не вижу смысла. Сначала надо территорию от снега очистить. Иначе машина тут увязнет.

– Точно... – прошептала я, чувствуя прилив жгучего стыда. – И как я сама не догадалась...

Мозг, привыкший к тому, что за него всё делают управляющие компании и суетливые дворники, окончательно вышел

в автономный режим.

– Идём в дом? – спросила я жалобно, как ребёнок, просящийся с холодной улицы.

– Идём, – кивнул он и снова пошёл первым, методично протаптывая тропу.

Снега был не по колено.

Он был по самые ягодички, и каждый мой шаг требовал титанических усилий.

Я, пыхтя, тащила за ним.

У крыльца он обернулся и протянул руку.

– Ключи?

«Скальпель, зажим, тампон...» – пронеслось в голове, и я едва не хихикнула.

– Вот... – я судорожно стала рыться в кармане, вытащила связку и, тыча пальцем, показала на ключ. – Вот этот. Он от дома.

Он взял связку, и, к моему глубочайшему удивлению, дверь открылась с первого раза.

Не скрипела, не сопротивлялась.

Просто поддалась, как будто ждала именно его.

Мы вошли.

И тут я обалдела.

Если на улице был лютый, но сухой мороз, то внутри висел холод иного свойства.

Сырой, промозглый, въедливый.

Он пробирал до костей мгновенно, проникая сквозь все

слои одежды.

Мои зубы застучали сами собой, выдавая неконтролируемую дробь.

– Д-д-д-д... – я сжала челюсти, но это не помогло. – Почему в доме так холодно?

– Дом кирпичный, – коротко пояснил он, как будто читал лекцию по строительным материалам. – Долго держит холод.

Он, не раздумывая, прошёл вглубь прихожей в своих массивных сапогах, оставляя на полу снежные следы.

Я и сама не стала разуваться, тут можно было в прямом смысле примёрзнуть к половицам.

– Где электричество включается? – его голос донёсся из темноты гостиной.

– Э-э-э... Щиток здесь, в прихожей... – я засеменила обратно и показала на неприметную дверцу в стене.

Захар вернулся, открыл её, посветил внутрь фонариком.

Я видела его сосредоточенный профиль в холодном сиянии фонарика.

Он что-то изучал, пощупал провода пальцами, которые, казалось, не боялись ни холода, ни удара током.

Потом... он просто закрыл дверцу.

– Включать пока ничего не будем, – вынес он вердикт. – Дом сильно выстыл. Нужно сначала прогреть его. Здесь есть камин. Где дрова?

Я уставилась на него с таким искренним недоумением, будто он спросил у меня координаты ближайшей чёрной ды-

ры.

Мой мозг лихорадочно перебирал картинки: поленница... поленница была... у задней стены гаража?

Или у мангальной зоны?

Или дров давно нет?

– Э-эм... на улице... – пискнула я, понимая всю идиотскую неконкретность своего ответа.

Он медленно повернулся ко мне.

В темноте его лицо было почти неразличимо, но я почувствовала его взгляд.

Взгляд, полный холодного, беспристрастного осуждения.

– Юля, – произнёс он, и моё имя прозвучало неприятно как-то. – Как вы собирались здесь находиться, если не знаете, где у вас тут и что?

Вопрос повис в ледяном воздухе.

Все мои городские замашки, попытки держать лицо, рассыпались в прах.

– Это было спонтанное решение! – залепетала я, и голос мой дрогнул. – Я как-то привыкла, что в городе везде и всегда всё чистят, везде тепло... и забыла, что тут надо всё самой...

Мои оправдания прозвучали до жути жалко и глупо.

И тогда, от отчаяния, я перешла грань.

– Но ты ведь меня не оставишь?

«Ты».

Слово вырвалось само, тихо и по-детски беспомощно.

Захар замер.

Наступила тишина, такая густая, что я слышала, как трещит от мороза дерево где-то снаружи.

Он ничего не сказал.

Просто развернулся и направился к выходу.

На улицу.

В темноту.

Оставив меня одну в этом тёмном и ледяном каменном мешке.

Паника ударила в виски, острая и безрассудная.

Он уходил!

Этот дикий, злой, но единственный шанс на спасение!

Я ринулась за ним, чуть не споткнувшись о порог.

– Захар! Пожалуйста! Не бросайте меня!

Я выскочила на крыльцо.

Он уже был в десяти шагах, его тёмная фигура быстро растворялась в ночи, направляясь не к воротам, а в сторону гаража.

– ЗАХАР! – завопила я уже совсем истерично.

Он остановился и обернулся. Свет от фонаря осветил моё, наверное, совершенно сумасшедшее лицо.

– Я за дровами, – произнёс он с убийственным спокойствием. – Найду дрова. Иди пока в машину, грейся.

И он снова скрылся в темноте.

Я стояла на ледяном крыльце, сгорая от стыда, облегчения и дикой, нелепой радости.

Он не ушёл.

Он пошёл за дровами.

Похоже, мой личный армагеддец обзавёлся своим суровым, немногословным и чертовски компетентным ангелом-хранителем.

Даже если этот ангел больше походил на демона с ледяными глазами и манерами медведя.

* * *

Мне следовало бы послушаться и уйти в машину, где было тепло и хорошо.

Но я не могла.

Это было бы подло сваливать последствия своей легкомысленности на Захара, пока он тут колдует с моим же камином.

Я стояла в дверях, наблюдая, как он, этот двухметровый силуэт, двигается в темноте с уверенностью спецназовца.

Он принёс не просто охапку дров, а целую аккуратную кладку, будто готовился не просто к костру, а к какому-то важному ритуалу.

– Вы нашли дрова... Д-д-д-д... – мои зубы выбивали сумасшедшую чечётку, заглушая слова. – Вы просто к-крутой, Захар. Д-д-д-д...

Всё моё существо было сжато в один ледяной комок, жаждущий тепла.

Я смотрела, как он ловко укладывает поленья в чрево камина, и мне хотелось, чтобы это волшебство случилось быст-

рее.

Чтобы стало светло, тепло и... ну, если не хорошо, то хотя бы терпимо.

– Идите в машину, – его голос прозвучал резко, не терпящим возражений. – Я позову, когда всё будет готово. Идите, а то заболеее.

Я мотнула головой, пританцовывая на месте, чтобы хоть как-то разогнать кровь.

– Нет. Я не оставлю вас. Вы ведь тоже можете заболеть... – упрямо буркнула я. – Сколько вы без одежды были на морозе? Пять минут? Сомневаюсь. Час? Два? Больше? Удивляюсь, как вы не заоченели.

Он раздражённо вздохнул, но всё же бросил, не отрываясь от своего дела:

– Я не заболею, не переживайте. Я – морж.

Я так замерла, что даже зубы перестали стучать на секунду.

– Морж? А-а-а... Угу... – мой промёрзший мозг с трудом переваривал информацию. Морж. Ласты, усы, Арктика... – А я думала, вы Дед Мороз... – и от этой абсурдной цепочки я тихо хихикнула.

Похоже, гипотермия делала своё дело.

Захар повозился с заслонкой, что-то проверил пальцем внутри топки и сказал с лёгким удивлением:

– Кто-то явно следит за домом. Печная труба прочищена от золы. И нет в ней ничего постороннего.

Я пожала плечами, снова начав подпрыгивать, чтобы согреться.

– А что в трубе может быть постороннего? Дедушка Мороз? – выпалила я и снова издала этот идиотский, нервный смешок.

Он медленно повернул голову и посветил мне фонариком прямо в лицо, как будто проверяя степень моей вменяемости.

Свет ослепил.

– В кирпичной печи, – произнёс он с убийственной, преподавательской чёткостью, – если золу долго не убирать и не чистить дымоход, при нагревании может скопиться угарный газ. И когда дрова разгорятся, произойдёт взрыв – это один из вариантов. Птицы, кстати, очень любят строить гнёзда прямо в трубах. Особенно зимой. Вы об этом никогда не задумывались?

Его тон был не просто поучительным.

В нём звучало лёгкое, но от того не менее обидное презрение к моему тотальному, городскому невежеству.

Мне стало жарко от стыда, несмотря на мороз.

– Чёрт, вы опять правы, – сдалась я, вздохнув.

И тут случилось чудо.

Не магическое, а очень земное и прекрасное.

Он чиркнул чем-то, откуда у него взялись спички или зажигалка, я не увидела, но в камине вспыхнул огонь.

Сначала робкий, потом уверенный, жадный до сухого де-

рева.

Пламя затанцевало, осветив его сосредоточенное, суровое лицо и отбросив на стены гигантские, прыгающие тени.

О, блаженство.

Я присела на корточки перед камином, протянула к огню окоченевшие руки и прикрыла глаза.

Тепло, живое и почти осязаемое, накрывало меня волной.

– Хорошо-о-о... – прошептала я, и это было сильнейшим преуменьшением года.

– Сейчас дом быстро нагреется и можно будет включить свет, – проговорил он, отойдя от камина и осматриваясь. – Скажите, вода здесь есть? Скважина?

Я задумалась, заставляя память пробиться сквозь годы.

– Ммм... кажется, да, скважина... В котельной должно быть оборудование...

И тут на меня накатила новая волна ужаса.

Логичная, железобетонная и совершенно запоздалая.

– Ох, Захар, неужели воды нам не видать? Скважина ведь на таком морозе могла замёрзнуть!

Он посмотрел на меня.

В свете огня его лицо казалось менее враждебным.

Просто усталым.

– Пойду, посмотрю.

И он снова исчез в темноте, на этот раз в сторону котельной, оставив меня одну с трещащим камином.

Я сидела, грелась и думала.

Мысли текли медленно, оттаивая вместе с телом.

Как же хорошо, что я его подобрала.

И не потому, что он сейчас делал за меня всю работу.

А потому что, если бы не моё спонтанное решение свернуть с трассы, он бы сейчас лежал ледяным сугробом у дороги.

Замёрзший.

И возможно, мёртвый.

А я?

Я бы сидела здесь, в этом ледяном склепе, без дров, без света, без малейшего понятия, что делать.

И тоже, скорее всего, ждала бы печального исхода.

Выходит, мы спасли друг друга.

Он спас меня от последствий моей же глупости.

А я... я спасла его...

Я посмотрела на огонь.

Он уже разгорался всё сильнее, отбрасывая тёплый свет на пыльный пол и старую мебель.

И в этом свете мир уже не казался таким враждебным.

В нём было место для тепла.

И, как ни странно, для этого дикого, злого и невероятно компетентного Деда Мороза в рваной майке и моём плече.

Глава 5

* * *

– **ЮЛИЯ** —

Вернулся Захар так же тихо, как и уходил.

Я сидела, разглядывала трещинки на стене, и чуть не подпрыгнула, когда его тень упала на пол.

– Вода будет, – заявил он просто, как о свершившемся факте. – Как я уже сказал, очевидно, что за домом смотрели. Вы в курсе?

Я задумчиво кивнула.

– Да-а-а... Присматривает из соседней деревни, дядя Коля, кажется. Он дружил с моими родителями. Вот только я не знаю ни его телефона, ни где его вообще найти...

– Разберёмся, – отрубил Захар, и в этой краткой фразе было столько уверенности, что моё внутреннее напряжение чуть ослабло. С ним казалось, что даже поиск мифического дяди Коли вообще не проблема.

– Уже теплее стало, – с надеждой заметила я.

Воздух в комнате и правда потерял ледяную хватку, превратившись просто в прохладный.

– Может, включим свет и отопление?

Захар молча посмотрел на огонь в камине, как будто советуясь с ним.

Он не бросился к щитку. Нет.

Он начал с обхода.

Прошёлся по гостиной, посветил фонариком на потолочную люстру, проверил, на месте ли лампочки.

Легко дотянулся до люстры.

Потом заглянул в коридор, в другие комнаты.

Он проверял каждую точку, как сапёр перед разминированием.

Я бы, конечно, так не стала делать.

Я бы щёлкнула рубильник и помолилась бы, чтобы ничего не взорвалось и не сломалось.

Возможно, его перестраховка была не такой уж и параноидальной.

Убедившись, что все лампочки закручены плотно и нигде не торчат оголённые провода (откуда бы они тут взялись?), Захар наконец пошёл к щитку.

Раздался щелчок и мир залил тёплый, электрический свет.

– Ура! Да будет свет! – обрадовалась я, пытаюсь вскочить с корточек.

Мои суставы отозвались протестующим хрустом и лёгким кряхтением.

О нет. Неужели старость?

Мне же всего... ну, ладно, не суть.

Слишком рано для старости и хруста в костях!

– Сейчас включу нагревательный кабель, – продолжил свой доклад Захар, не обращая внимания на мои старческие

стоны. – Он отопреет трубу насоса. Скважина на глубине не замерзает.

И он снова растворился в недрах котельной, оставив меня наедине с внезапно ожившим прошлым.

Я оглядела гостиную при свете.

Вот отцовское кресло с вытертой на подлокотнике кожей. Мамин торшер с бахромой.

Диван, чуть продавленный там, где отец любил читать газеты.

Книжные полки до потолка, пахнущие бумагой и временем.

Фотоальбомы в бархатных и кожаных переплётках.

Старый, ещё кинескопный телевизор, похожий на серый булыжник.

Грусть и ностальгия накатили сладкой, горьковатой волной.

Но тут из глубины дома донёсся странный звук: сначала шипение, потом обнадёживающее бульканье.

Вода!

Захар вернулся с тем же каменным выражением лица, но я уже умела читать в нём едва уловимые оттенки.

Сейчас было выражение «задание выполнено».

– Всё отлично работает. Труба быстро отопреется, – констатировал он. – Я пока принесу вещи из машины и заглушу её.

– Ой, я с вами... – автоматически предложила я, делая

шаг к выходу.

– Я сам всё принесу, – его тон не оставлял места для дискуссий. – Скажите, что захватить. Документы из бардачка взять?

Бардачок.

Мозг, только что плававший в воспоминаниях, резко и с ужасом вернулся в настоящее.

В бардачке помимо документов и полудохлой пачки жевательной резинки лежал... он.

Новенький, эргономичный, купленный в порыве «нужно же как-то справляться со стрессом и отсутствием мужчины».

И размер у него был... убедительный.

Очень убедительный.

Кровь ударила мне в лицо так, что уши загорелись.

В бардачке лежала коробка с вибратором.

Вот же... чёрт.

– Ой, не-е-ет, я сама-а-а... – протянула я густым, странным голосом, пытаясь изобразить деловую озабоченность. – Там... э-э-э... личные вещи... Очень.

– Юля, не глупите, – отрезал он, глядя на меня так, будто я предлагала пойти за вещами по пояс в снегу. – Я всё принесу. Лучше включайте холодильник, плиту. Вода скоро будет, выпьем горячего чаю.

Я гулко сглотнула, понимая, что проиграла.

Сопротивляться его железной логике было бесполезно.

Я кивнула, как загипнотизированная.

И тут в моей голове возникла картина.

Яркая, как кинокадр.

Захар Морозов, с лицом разгневанного божества, несёт через снег мой розовый, вибрирующий от восторга... нет, не буду даже думать это слово... предмет.

Мне вдруг дико захотелось увидеть выражение его лица в этот момент.

Смешно и ужасно стыдно одновременно.

Он ушёл, а я, как лунатик, поплелась на кухню выполнять его приказы.

Включила холодильник.

Он загудел с обидой, будто его разбудили среди ночи.

Включила плиту, чтобы проверить её.

Щёлк-щёлк.

Древние конфорки работали.

Отключила пока.

Мои руки действовали автоматически, а мысли бешено крутились вокруг бардачка.

«Может, я его всё-таки вытащила и дома оставила? Может, он не заметит? Может, заметит и решит, что это... мас-сажёр для шеи?»

Я стояла на кухне, прислушиваясь к звуку снаружи.

Вот хруст снега под тяжёлыми сапогами.

Тишина.

Он у машины.

И я представила его крупную, сильную руку, открываю-

щую бардачок.

И его ледяные глаза, рассматривающие мой скромный, но технологичный способ борьбы с одиночеством.

Господи, лучше бы я застряла в той пробке навеки.

* * *

Захар вернулся через пару минут, с первыми вещами.

Его сумка, как будто она была его единственным вкладом в наше общее дело.

Моя маленькая сумочка и спортивная сумка из багажника.

Пока всё.

Сердце у меня ёкнуло.

Он только начал.

– Может, я всё-таки с вами схожу? – попыталась я в последний раз, выдавливая из себя хозяйственную озабоченность. – Там же пакеты с продуктами тяжёлые... И ветки эти пихтовые, громоздкие...

– Я сам, – бросил он, не глядя на меня.

Оставил сумки в прихожей и снова растворился за дверью, в темноте и снегу.

Я прикрыла глаза.

В голове чётко возник образ: Захар открывает бардачок, свет фонарика выхватывает из темноты невинную коробку с приторным розовым логотипом.

И его ледяные глаза, широко раскрывающиеся от понимания.

Нет, нет, они не раскроются.

Он просто поднимет одну бровь и пометит меня в своём мозгу как «одинокую озабоченную идиотку».

«Ну и пусть думает, что хочет! – пыталась я себя утешить, расхаживая по кухне. – Я вообще-то его от гибели спасла! Да-да! Он должен быть мне благодарен, а не осуждать за... за средства личной гигиены! В смысле, за средство личного... релакса!»

Я накрутила себя так, что уже почти поверила, что вибратор – это такой же необходимый предмет выживания в дикой природе, как топор или спички.

И вот... Захар снова вернулся.

С характерным шуршанием.

В руках у него были пакеты с продуктами.

Только пакеты.

Сердце упало в желудок.

Чёрт! Он что, делал это нарочно?

Растягивал удовольствие, как палач?

Принёс сначала самое невинное, чтобы продлить мои мучения!

Я ринулась к пакетам, выхватывая их у него из рук.

– Я займусь продуктами! – выпалила я неестественно громко и оттащила их на кухню, будто это был краденый груз.

С лихорадочной скоростью я начала выгружать всё на стол: сыр, колбасу, бутылки с водой, шоколад, печенье, ново-

годние напитки, пэпэшные продукты для салатов и прочее.

Руки дрожали.

Захар молча развернулся и снова ушёл.

Третья ходка. Решающая.

За ветками, документами и за... коробкой позора.

Я стояла у стола, глядя на разложенные продукты и ничего не видела.

Слышала его шаги по снегу, завывание ветра и треск дров в камине.

Боже, как долго!

Вот он идёт обратно.

Захар вернулся, щёлкнул замком, закрыв нас от холодной зимней ночи.

Он вошёл на кухню, и помещение сразу наполнилось свежим, смолистым ароматом.

В его руках был мой скромный новогодний букет, несколько пушистых пихтовых веток.

И он подошёл ко мне.

Пристально посмотрел прямо в глаза, и я почувствовала, как краснею до корней волос.

Он протянул мне документы из бардачка.

И поверх... аккуратную, не вскрытую, коробку с тем самым розовым логотипом.

Он держал её так спокойно, будто передавал мне пачку салфеток.

– Столь нежную технику лучше не держать на морозе, –

произнёс он своим обычным, низким, безэмоциональным голосом. – Испортится.

Нежная техника.

Серьёзно?

Слова, произнесённые с такой невозмутимостью, будто он комментировал прогноз погоды.

И это было в тысячу раз хуже любого смеха, укора или кривого взгляда.

Моя кровь, казалось, застыла, а потом снова хлынула в лицо, создавая ощущение, что я сейчас лопну, как переспелый помидор.

В голове завывала сирена: «Скажи что-то остроумное! Объяснись!»

– Э-э-э... Ну-у-у... понимаете, – начала я, запинаясь, – я девушка одинокая и вот... я подумала однажды... что... нужно... быть... самодостаточной... и вообще, для здоровья полезно...

Боже.

Это прозвучало так жалко и глупо, что я снова чуть не скорчилась от стыда.

Я блеяла, как овца.

Захар вздохнул.

Это был не раздражённый, а глубокий, усталый вздох человека, который устал от нелепостей мира.

– Юлия, вы взрослая женщина, – сказал он так чётко, что слова будто отпечатались в воздухе. – Вам не нужно передо

мной или перед кем-то ещё оправдываться и отчитываться. Совсем.

И повернулся к выходу.

– Пойду, проверю, отогрелась ли вода в трубе. А вы чай сделайте, ладно? Я видел бутылки воды в пакетах.

– Э-э-э... Ладно... – прошептала я, чувствуя себя совершенно разбитой.

Как только он скрылся в котельной, я вздохнула с облегчением, смешанным с дикой досадой.

«Нежная техника»!

Я схватила коробку и, не глядя, швырнула её в верхний шкаф, где лежали древние банки с горошком и пакетики приправ, купленные ещё при Царе Горохе.

Пусть там и лежит, рядом с лавровым листом образца одна тысяча чёрт знает, какого года.

Там вибратору самое место.

Я прислонилась лбом к прохладной дверце холодильника.

Ну вот. Он теперь знает.

И, кажется, ему совершенно всё равно.

Это было одновременно унизительно и... странно бесило.

Может, он и прав.

Может, и не надо оправдываться.

Хотя нет.

Всё равно унизительно.

«Нежная техника».

Ох, Захар Морозов, лучше бы ты назвал меня идиоткой.

Это было бы честнее.

Я бы могла повозмущаться, позлиться и чувствовала бы себя так, что защитила себя, а так...

– Юля, ты – дура, – сказала я вслух.

Глава 6

* * *

— ЗАХАР —

Прихожая всё ещё пахла холодом, пылью и её духами, что-то сладкое и неуместное здесь.

Нужно было выгрузить машину и заглушить её.

И поскорее.

С каждым шагом тело, разогретое движением, напоминало, как долго оно было на грани.

Теперь, в относительном тепле, усталость наваливалась тяжёлым, свинцовым плащом.

Я вышел обратно в ночь.

Мороз уже не кусал так яростно, он просто напоминал о себе глухой, пронизывающей дрожью в костях, которую я подавлял силой воли.

Как и всё остальное.

Юля пыталась вызваться помочь, но её попытка была такой же слабой и нелепой, как и всё её поведение.

Я отмахнулся.

Меньше слов. Меньше суеты.

Осталось забрать документы из бардачка и эти её праздничные ветки.

Я открыл дверцу, наклонился.

Бардачок щёлкнул, открылся.

В свете фонарика, первое, что я увидел, были не документы.

Это была коробка с нарочито гладким дизайном и розовой надписью, которая не оставляла сомнений в содержимом.

На секунду время сплющилось.

Всё внутри резко и гулко затихло.

Я замер.

Первой волной было чистое, физическое смущение.

Жар ударил в основание шеи и пополз вверх к ушам.

Мне даже показалось, что температура поднялась на десять градусов, и я ощутил себя нарушителем, бесцеремонно вломившимся в запертую зону её интимности.

Это была вещь конкретная, качественная, говорящая о внимательном и серьёзном отношении к собственному телу.

И этот факт обезоруживал сильнее любой пошлости.

За смущением, через долю секунды, пришло острое, режущее удивление.

Мой мозг, привыкший к сухим фактам, алгоритмам и выживанию, увидел не «развратницу», а целостную взрослую женщину, которая знает, чего хочет, и не ждёт милостей от случая или мужчины.

И во мне вспыхнуло не презрение, а странное, почтительное уважение, смешанное с лёгким уколом неловкости за свой возможный провал.

Почему-то мне пришла мысль, что я и она...

«Интересно, а я бы дотянул до её стандартов?» – мельк-

нуло где-то на задворках сознания.

Тряхнул головой, прогоняя глупую мысль.

В этот момент я принял единственно верное решение: не комментировать, не шутить, не делать вид, что не видел.

Видел, оценил масштаб.

«Совершенная мощь. Размер для незабываемого удовольствия», – гласила идиотская фраза на боку коробки.

Но тут же пришло глухое раздражение.

Забралась в лес одна, не имея ни малейшего понятия о выживании.

Подобрала первого попавшегося мужика с дороги, потому что «нельзя же его оставить на морозе».

Не знает, как затопить печь, как проверить электрику, где у неё дрова.

В лесу, полном ресурсов, она бы умерла в первую же ночь от собственной беспомощности.

Все современные люди такие.

Я с лёгким раздражением, который клокотал где-то глубоко внутри, осторожно вынул коробку.

Под ней лежали документы.

Что ж, это её личное дело.

Как и моё – ненавидеть людей после сегодняшнего дня.

А физиология вещь банальная.

Мне в голову никогда не приходило решать вопрос вот так, механически.

Для мужчины это была какая-то жалкая, унылая капиту-

ляция.

Но кому, какое дело?

Забрал документы, коробку, (осторожно, как взрывное устройство).

Потом достал из багажника связку пихтовых веток.

Они пахли лесом, жизнью, тем, что было реальным, а не этой пластиковой пародией на близость.

Заглушил машину, закрыл.

Тишина окончательно обрушилась на уши, и в ней зазвучал гул усталости.

Войдя в дом и на кухню, я сразу увидел её.

Юля стояла посреди кухни, пылая таким румянцем, что могла бы заменить гирлянду.

Её глаза метались, словно искали срочное убежище.

Она была смущена до состояния «растаять и стечь в канализацию».

Я не стал ничего комментировать.

Какая разница?

Это её выбор, её маленькие секреты.

У меня своих полно, и они куда тяжелее.

Ветки положил на стол.

Вручил документы и коробку.

И, глядя прямо в её испуганные, виноватые глаза, сказал:
– Столь нежную технику лучше не держать на морозе. Испортится.

Пусть это будет последним, что я скажу на эту тему.

Мне было всё равно. По-настоящему всё равно.

Она начала что-то лепетать, оправдываться.

«Я одинокая... я думала...».

Боже, какая мука.

Я прервал её.

– Юля, вы взрослая женщина. Вам не нужно передо мной или перед кем-то ещё оправдываться. Совсем.

Это была не снисходительность.

Это была правда.

Меня не волновали её игрушки.

Меня волновала лишь нарастающая, тягучая усталость.

Я хотел горячего чая.

Хотел смыть с себя не только дорожную грязь, но и липкую плёнку сегодняшнего предательства.

Хотел, чтобы этот день закончился.

Чтобы темнота за окном поглотила всё: и её смущение, и мою злость, и память о голосах тех, кого я считал своими друзьями.

Завтра будет другой день.

Завтра я подумаю, как жить дальше.

А сегодня нужно просто выжить.

И ещё нужен чай.

Всё остальное – несущественный шум.

* * *

– ЮЛИЯ —

Победа! Настоящая, звонкая, жидкая победа!

Из крана на кухне с шипением и брызгами хлынула вода.
Пока ледяная, пробирающая до костей, но вода!

Значит, и в туалет можно бежать и думы подумать там, и чайник наполнить, и вообще – цивилизация вернулась в мой заброшенный форпост.

Я почти прыгала от радости, слушая, как водонагреватель в санузле издаёт обнадеживающее урчание, скоро будет и горячая.

Счастье оказалось таким простым: тёплая вода и крыша над головой.

И вода в чайнике уже булькала, наполняя дом уютным звуком, которого так не хватало.

Я металась между пакетами, холодильником и шкафами, как белка перед праздником.

Стол нужно было нормально накрыть.

И не просто накрыть, а устроить пир!

Чтобы отблагодарить Захара...

И чтобы он не пожалел, что связался со мной.

На тарелку водрузила бутерброды: с маслом и красной икрой (пусть оценит шик!), с сыром, помидорами, колбасой (классика!).

Печенье высыпала в вазочку, конфеты в другую.

Лимон нарезала тонкими дольками, а вдруг он любит чай с лимоном?

Ему вообще полезно, витамин С всё-таки после такого-то переохлаждения!

Я смотрела на свой импровизированный банкет и смущённо понимала, что мало этого, мало.

Захар мужчина большой, еды надо много.

Мой бывший муж вообще жрал много и не полнел, и жрал столько, что мне иногда хотелось, чтобы кто-то придумал выпускать еду для мужчин особо крупных пород сразу в пакетах, как для собак.

Высыпал ему в миску, то есть, в тарелку и пусть ест.

Короче, не думала я, что со мной будет мужчина.

Его же кормить надо много и сытно.

Одними бутербродами с чаем, он сыт не будет.

А вся остальная еда у меня была сырая, её готовить надо.

Курица, на салаты...

Ох... Это всё завтра только.

Ну и главное, чтобы Захар не заболел, а то Новый год будет грустным.

И тут я вспомнила про главное.

Рывок к своей сумке, и вот она – моя походная аптечка, размером с небольшую косметичку, но по начинке способная конкурировать с аптечным пунктом.

Родители приучили: куда бы ни ехала, лекарства должны быть под рукой.

У меня тут было всё: от пластыря, антипохмелина, средства от отравления и активированного угля до антибиотиков широкого спектра и мощных противовирусных, и прочего.

Я удовлетворённо перебирала упаковки.

Если что, этого полярного медведя я накормлю не только бутербродами, но и ударной дозой иммуностимуляторов, закутаю в три одеяла и буду отпаивать чаем с лимоном до полного выздоровления.

Готова была даже в камин его засунуть, если понадобится!

Как раз в этот момент на кухню вошёл он.

Я возилась с пачкой сахара-рафинада, найденной в глубине шкафа.

Пачка была невскрытая, но пыльная, а срок годности... хм, истёк четыре года назад.

Но это же сахар!

Что с ним может случиться?

Он не портится, он становится только... винтажным.

Я подняла глаза и замерла.

Захар стоял в дверном проёме, плечами почти касаясь косяка.

Он скинул плед и теперь был только в своих штанах и серой майке, которая обтягивала торс, подробно описывая рельеф мышц, которые явно были выкованы не в фитнес-зале.

При нормальном, тёплом свете кухонной лампы он выглядел... божественно.

Нет, не так.

Древнескандинавски-брутально.

Настоящий викинг, заблудившийся во времени и пространстве, но не в собственной силе.

Мысленно я окрестила его «Дед Мороз», но ему отлично

подойдёт «Викинг» и я представила, как он одним движением разламывает пополам ледяную глыбу.

А ещё его лицо...

На его каменном, невыразительном лице было написано что-то вроде... лёгкого шока.

Он посмотрел на стол, уставленный яствами, как будто видел не бутерброды и печенье, а сложную инженерную схему, которую не мог расшифровать.

Он медленно провёл рукой по затылку, смущённо почесал его.

– Мне право даже неловко, – произнёс он своим низким голосом, и в нём впервые прозвучала какая-то неуверенность.

Этот жест, это признание разбили лёд внутри меня лучше любого камина.

Я рассмеялась, чувствуя, как смущение от «нежной техники» наконец-то отступает.

– Пф. Это мне неловко, Захар, – улыбнулась я, наливая кипяток в заварочный чайник. – Я тут устраиваю пир во время чумы, а вы в это время ледяные трубы отогревали. Вам чай с сахаром или без?

Я потрясла пачкой «винтажного» рафинада.

– Но предупреждаю, у сахара срок годности вышел. Думаю, он уже превратился в антиквариат. Может, даже стал слаще от времени.

Он подошёл к столу, сел на стул, который под ним слегка

скрипнул, как бы жалуясь на такую ношу.

– С сахаром, – сказал он после паузы. – Если он, конечно, не радиоактивный.

– Проверим тогда на мне, хотя с сахаром я не пью, – пошутила я, бросая кубик в свою чашку. – Если к утру у меня не вырастет третья рука, значит, можно и вам.

Он улыбнулся и бросил в свою чашку два куска.

Я села напротив, украдкой изучая его.

При свете было видно усталость в уголках его глаз, щетину и... неожиданную правильность черт.

Чёрт, он был не просто brutальным.

Он был чертовски привлекательным в этой своей дикой, неотёсанной манере.

И эти руки... большие, с содранными костяшками, которыми сейчас осторожно, почти неловко, брал бутерброд с сыром, помидором и колбасой.

Как будто боялся раздавить его.

«Ну всё, Юль, – мысленно вздохнула я, отхлёбывая чай. – Ты не только в тайге заблудилась. Похоже, ты ещё и влипла по уши. И всё из-за какого-то моржа-викинга, который бутерброд ест, как аристократ».

Но, честно говоря, мне это начало нравиться.

Это было в тысячу раз интереснее, чем встречать Новый год в одиночестве с салатом «оливье» и чувством глубокой неудовлетворённости.

Даже если мой спаситель считал меня беспомощной го-

родской идиоткой с сомнительным содержимым бардачка.

Глава 7

* * *

– ЮЛИЯ —

Чай был крепкий, ароматный, и вместе с теплом он разморозил во мне не только пальцы, но и язык.

Я наблюдала, как Захар медленно, с сосредоточенностью хирурга, доедает бутерброд с икрой.

Есть в нём что-то первобытно-величественное, даже в этом простом действии.

Надо было что-то делать с его экипировкой.

Вернее, с её полным отсутствием.

– Захар, у вас с собой какая-то одежда есть? – спросила я осторожно. – Спрашиваю, потому что в доме есть... одежда папы. Если не побрезгуете, конечно. Мама всегда шкафы наполняла саше с мятой и цитрусами. Так что... по запаху точно всё в порядке. Никакого нафталина, клянусь.

Он прожевал последний кусок, запил большим глотком чая, и его кадык плавно качнулся.

Гипнотизирующее зрелище.

– У меня есть... кое-что. Если не сложно, то не откажусь. Вся моя тёплая одежда осталась... – он запнулся и тяжело вздохнул, будто этот вдох вытягивал из него последние силы.

Вот он, момент истины.

Мне жгло язык от любопытства.

Я не выдержала.

– А можно узнать... что всё-таки случилось? Простите за любопытство. Но может, вам помощь нужна? Ну... другого характера...

Я сама не знала, что имела в виду.

Юридическую?

Психологическую?

Пойти и набить морды кому-то?

Хотя, глядя на его кулаки, эта помощь ему вряд ли требовалась.

Может, дело в женщине?

Но кто же такая дура, чтобы такого... ну, в общем, такого мужчину предать?

Хотя, глядя на его манеру общения, можно было предположить, что он не мастер в романтических отношениях.

Захар помолчал, его взгляд утонул где-то в чашке.

Видно было, что рассказывать он не хотел.

Но, видимо, долг вежливости или просто усталость взяли своё.

– С друзьями поссорился, – начал он глухо. – Мы сутра прилетели с Севера. Сели в машину, поехали из аэропорта в город, по домам... И я от узнал от них, что грядёт сокращение. И друзья решили меня слить. Они все с семьями, а я... холост. Без жены и детей. Предложили мою кандидатуру, у меня за спиной. И просто поставили перед фактом. Я психанул, выскочил из машины как был... вот так. Только

одну сумку забрал... Остальное в порыве ярости оставил.

Тишина повисла на секунду.

А потом во мне что-то взорвалось.

Не просто возмущение, а чистая, белая ярость, какой я не чувствовала даже к своему бывшему, когда узнала про его «молодую и перспективную».

«Слить». «Холост». «Без жены и детей».

Моя профессиональная, дизайнерская часть мозга тут же нарисовала яркую картину: стоя мелкий, испуганный шакал, решивший принести в жертву самого большого и сильного волка, потому что он «не вписывается в коллектив».

Психология дешёвого офисного интриганства!

Это же нарушение всего!

Трудовой кодекс (наверное), мужская солидарность (точно), и просто базовое человеческое «так не поступают»!

– Да они просто... идиоты! – вырвалось у меня, и я с таким сильным чувством поставила чашку на стол, что чай выплеснулся, образовав на столешнице лужицу, похожую на маленькое озеро ярости.

Я вскочила за тряпкой.

– Захар, это не друзья, а предатели! Вам надо было им в бубен дать! Это же дискриминация по семейному положению! Чудовищная несправедливость! Они что, думали, у вас нет чувств, амбиций, что вы просто одинокий поплавок, которым можно пожертвовать?

Я вытерла стол с таким остервенением, будто стирала с

лица земли тех самых «друзей».

Он молча наблюдал за моей тирадой, и в его глазах мелькнуло что-то... удивлённое?

Нет, скорее, осторожно-оценивающее.

Как будто он не ожидал такой бурной реакции.

– Кстати, а кем вы на Севере работаете? – спросила я, садясь обратно и пытаясь вернуть беседе более спокойное русло.

Хотя внутри всё ещё бушевало.

Он проигнорировал мои эмоции, как шум ветра за окном.

– Я гляциолог.

Я удивлённо уставилась на него.

– Гля... кто? – не поняла я. Прозвучало как-то... сложно.

– Полярник, – сказал он небрежно, как будто это одно и то же.

Я покачала головой.

Нет, милый мой викинг, так не пойдёт.

Если уж выкладывать историю, то выкладывать до конца.

– Нет, это вы обобщили. И всё-таки, кто такой гля... боже, я это не выговорю. Слишком много согласных подряд, у меня язык сломается.

Он взглянул на меня, и в его глазах, кажется, мелькнула искорка чего-то, очень отдалённо напоминающего иронию.

– Гляциолог, – повторил он с той же терпеливой чёткостью, с какой объяснял мне про взрывоопасность золы в трубе. – Я учёный. Изучаю ледники, снежный покров, всё, что

связано со льдом и снегом.

Мои глаза расширились.

Вот это да!

Мой мозг тут же услужливо нарисовал картинку: он, в меховой шапке, стоит на фоне сияющего ледника с каким-то супер-прибором в руках.

Очень в духе брутального журнала «National Geographic».

– Вот это да-а-а! – выдохнула я с искренним восхищением. – Очень... романтичная профессия!

Захар взял со стола ещё бутерброд с икрой, внимательно его осмотрел, как редкий геологический образец, и прежде чем проглотить целиком, бросил:

– Никакой романтики. Только лёд и холод.

«И предательство», – мысленно добавила я, глядя на его суровый профиль.

Но вслух не сказала.

«Ну ничего, – решила я, наливая ему ещё чаю. – Теперь у него есть я. Пусть и в роли несколько истеричной, но очень возмущённой защитницы».

Это было лучше, чем ничего.

И определённо лучше, чем те шакалы-друзья.

Пока Захар молча, с достоинством медведя, поглощал бутерброды, мой мозг, освободившись от первой волны ярости, переключился на аналитический режим.

Со скоростью суперкомпьютера я начала раскладывать его по полочкам.

Профессия: гляциолог.

Круто? О, да!

Сложно? Однозначно!

Подразумевает супер-мозги, железную дисциплину и, наверняка, нехилую зарплату (ледники-то изучают не за спасибо).

Один балл есть.

Внешность: ну, тут без комментариев.

С таким можно на обложку журнала «Выживай стильно» или «Дикие мужчины планеты».

Плюс ещё два балла.

Характер: точно не болтлив.

В наше время вселенского трёпа – это не минус, а роскошь.

Работающий. Дом отогрел, машину вытащил, воду вернул.

Верный? Уверена, что да.

Такие обычно если слово дают, то держат.

И если уж полюбят...

Ой, что-то мне стало жарко.

Плюс три, четыре, пять... сразу плюс все десять баллов.

Вывод: индивид ценный.

Редкой породы.

И главное – он в природе одинок!

Моя внутренняя женщина, которая обычно тихо плакала в уголке под депрессивные треки, вдруг воспряла, потёрла ручки и принялась строить воздушные замки.

Какие у нас могли бы быть дети?

Высокие, с умными глазами и талантливые.

Я даже вздохнула, представив мальчика с папиными льдистыми глазами и девочку с характером.

От этих сладких грёз меня оторвала необходимость быть хозяйкой.

Я поёрзала на стуле, стараясь говорить мягко, заботливо, как учат в журналах про то, как «растопить сердце холостяка».

– В доме три спальни и гостиная с диваном, – затараторила я сладким, сиропным голосом. – После чая выберем вам... кровать? Ну, и одежду дам. А ещё бы вам в душе согреться... Всё-таки столько времени на холоде. Баня есть, в анне было бы круто пропарить вас, но её топить надо, это долго, да и я не умею. Ах, да! – я всплеснула руками. – Я ещё тут лекарства свои проверила. У меня и противовирусные есть, и антибиотики, и витамины... Можно для профилактики принять и...

Мой лепет о профилактике гриппа и выборе постельного белья был внезапно прерван.

Захар медленно, почти не глядя, накрыл мою суетливую руку, лежавшую на столе, своей большой, широкой ладонью.

Тепло сухое, почти жаркое, исходило от его кожи.

И тяжесть была приятная, успокаивающая.

Я умолкла на полуслове, как будто кто-то выдернул шнур из розетки.

– Юля... – произнёс он тихо.

Имя на его губах звучало иначе. Глубже. Серьёзнее.

Я подняла на него глаза.

И всё.

Провалилась. В эти глаза цвета северного неба.

Голубые, пронзительные.

Они смотрели прямо в душу, обходя все мои дурацкие защитные механизмы.

Что-то внутри дрогнуло и растаяло с противным, сладким щелчком.

О нет. Гормоны, предатели! Я давно без мужской ласки! Не сейчас! Это неспортивно! Валите прочь!

– Что? – выдохнула я сипло, чувствуя, как по телу разливается тепло, никак не связанное с камином.

– Всё хорошо, – сказал он, и его палец чуть дрогнул на моей руке. – Спасибо за заботу. Вы и так сделали для меня... невозможное. А спать я лягу в гостиной. За камином пригляжу, дров буду подкладывать.

Это невозможно просто.

Человек с другой планеты.

Только что пережил предательство, замерзал насмерть, а теперь беспокоится о том, чтобы в моём доме было тепло, и скромно предлагает спать на диване, как какой-то викторианский герой.

Таких не бывает!

Их выводят в секретных лабораториях или лепят где-то

далеко, за полярным кругом?!

Внутренняя сирена взревела на полную катушку: «НАДО БРАТЬ! СРОЧНО! ПРЯМО СЕЙЧАС! ПРИСТЕГНИ ЕГО К ДИВАНУ ИЛИ ПРИЖМИ ЧЕМ ПОТЯЖЕЛЕЕ!»

– Э-э-э... Хорошо, – прошептала я, пытаюсь заглушить этот вой. – Я тогда постелю на диване. Принесу подушки, одеяло. Бельё и полотенца я из дома привезла...

– Спасибо, – повторил он, и в этом слове вдруг прозвучала такая глубокая, одинокая грусть, что у меня сердце сжалось в тугой, болезненный комок.

Он сидел, сгорбившись, этот великан, смотрел куда-то внутрь себя, и всё его тело говорило об усталости и боли.

И я не выдержала. Совсем.

Я не думала.

Я вскочила со стула.

Он поднял на меня удивлённый взгляд.

Я сделала два шага, подошла к нему вплотную.

Его дыхание стало чуть чаще.

И тогда я взяла его лицо в ладони.

Кожа была шершавой от холода и щетины, скулы твёрдыми.

Я почувствовала, как он замер, напрягся.

А потом я наклонилась и поцеловала его.

Нежно-смело.

Просто прикоснулась губами к его губам, которые на секунду оставались неподвижными.

В голове пронеслось: «Боже, что я делаю? Он сейчас встанет и уйдёт обратно в холод. И будет прав. Решит, что я ма-
нячка».

Но через мгновение что-то изменилось.

Его губы отозвались.

Сначала неуверенно, потом... глубже.

Он не оттолкнул меня.

Его большая рука медленно поднялась и легла мне на талию, не притягивая, просто... удерживая.

Я оторвалась, едва дыша, глядя в его расширившиеся глаза, в которых теперь плескалось не только небо, но что-то ещё – дикое, удивлённое, живое.

– Захар... – прошептала я, не зная, что сказать дальше.

Объяснение: «Я тебя поцеловала просто потому что ты самый лучший мужчина, которого я видела, и мне стало тебя жалко...» звучало как-то нелепо.

Он смотрел на меня.

Молчал.

А потом уголок его рта дрогнул, не в улыбку, нет. Но во что-то... интересное.

Моя внутренняя сирена ликовала: «Ура! Начало операции отогреть Деда Мороза переходит в активную фазу!»

Глава 8

* * *

— ЗАХАР —

Её губы были мягкими. Тёплыми. Совершенными.

Она подошла и поцеловала меня.

Просто прикоснулась.

Легко, почти невесомо, как снежинка, которая тает, едва коснувшись кожи.

И я ответил на поцелуй... так же легко, невесомо... сам от себя не ожидал.

А потом она оторвалась, и в её широко открытых глазах застыла целая буря: паника, вопрос и... что-то ещё.

Неужели желание?

Такое же внезапное и нелепое, как и этот поцелуй.

— Захар... — прошептала она и замолчала, потеряв дар речи, который до этого лился из неё нескончаемым потоком.

Я сидел, ощущая на губах призрачное жжение от её прикосновения, и поймал себя на странной мысли, от которой уголок моего рта сам собой дрогнул: «Неужели я ей понравился?»

Абсурд.

Она подобрала меня в лесу, как бездомного пса.

Грязного, дикого, злого, в рваной майке, больше похожего на беглого зэка, чем на приличного мужчину.

Отогрела.

Накормила бутербродами, которые я съел с большим удовольствием.

И вот теперь... это.

Что это было?

Я перебрал варианты с холодной, аналитической скоростью, с которой привык классифицировать природные явления.

Жалость?

Нет. В её взгляде сейчас не было снисхождения.

Было что-то живое, пылающее.

Желание не быть одной в Новый год?

Возможно.

Но тогда она могла просто предложить выпить, а не бросаться с поцелуями на первого попавшегося.

Вывод напрашивался сам, и он был одновременно простым и сложным: порыв.

Чистая, ничем не замутнённая эмоция.

Истинная женщина.

Только женщина могла так отключить инстинкт самосохранения и открыться незнакомцу, который ещё несколько часов назад мог сломать её одним движением.

Она не думала о последствиях, рисках, о том, что могла наткнуться на маньяка, психопата.

Она поддалась чувству.

Неразумное, уязвимое, прекрасное в своей безрассудно-

сти создание.

Она стояла передо мной, смотрела на меня, и всё её тело вопрошало: «Ну? Что дальше?»

Она была похожа на щенка, который принёс мяч и ждёт, что с ним поиграют.

Только мячом была она сама, а игрой всё, что могло последовать за этим поцелуем.

И в этот момент во мне столкнулись две силы.

Первая – глухая, животная усталость.

Каждая мышца ныла, в висках стучало, а завтрашний день висел тяжёлым, тёмным облаком.

Вторая – это тёплое, слабое эхо её прикосновения и её глаза, полные ожидания.

Я сделал выбор.

Тот, который казался единственно правильным в этой ситуации.

– Юля, ты... – начал я и сам заметил, что перешёл на «ты». Какое уж тут «вы» после такого «жеста». – Я ценю твою помощь... Но я не стану пользоваться твоим расположением и злоупотреблять гостеприимством.

Я поднялся.

Она была так близко.

Я мягко, но недвусмысленно взял её за плечи, такие хрупкие под моими ладонями и развернул, усадив обратно на её стул.

Как ребёнка, который заигрался.

Она захлопала ресницами, её рот приоткрылся от изумления.

– Погоди... – выдохнула она, и в её голосе зазвучала смесь обиды и любопытства. – Я что, некрасивая? Или в принципе не в твоём вкусе? Чего же ты хочешь, чтобы было в женщине?

Вопрос был задан с такой непосредственностью, что я едва не фыркнул.

Она уже составляла список качеств, как будто мы обсуждали параметры новой модели внедорожника. «Устойчива к морозам, проходима, с большим... багажником».

Но я был слишком измотан для игр.

– Я хочу просто лечь спать. Устал, – сказал я, и это была чистая правда.

Голос прозвучал глухо, без эмоций, но в нём не было лжи.

Она посмотрела на меня.

Сначала с недоверием, потом с пониманием, и наконец, с грустью, которая легла тенью на её живое лицо.

Она не сказала больше ни слова.

Просто кивнула, встала и вышла из кухни, оставив меня одного с остывающим чаем и чувством, будто я только что пнул щенка.

Я остался стоять посреди кухни, слушая, как её шаги затихают в коридоре.

– Чёрт, – тихо выругался я, проводя рукой по лицу.

Я поступил правильно, рационально, честно.

Так, как должен был поступить мужчина, а не животное, ведомое усталостью и минутной слабостью.

Тогда почему это «правильно» оставило во рту такой горький, противный привкус?

Почти как предательство.

Только на этот раз я предал тёплый, нелепый, щедрый порыв, который подарила мне эта странная, с явной чуждинкой, но всё же милая женщина.

Я убрал со стола, вымыл посуду, погасил свет на кухне и пошёл в гостиную, к дивану, который теперь казался самым одиноким местом на свете.

Да только меня ждало доказательство того, что эта женщина не знала слова «злопамятность».

Это одинокое место, диван был застелен.

Не просто брошено одеяло, а именно застелен.

Чистая простыня с едва уловимым запахом свежести, пуховая подушка, тёплое одеяло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.